Марта Ливнева

Без десяти двадцать пять

Марта Ливнева

Без десяти двадцать пять

«Автор»
2026

Ливнева М.

Без десяти двадцать пять / М. Ливнева — «Автор», 2026

В ночном киоске на конечной хорошо платят. Особенно если не задавать лишних вопросов.Двадцатитрёхлетней Асе нужны деньги, поэтому она готова привыкнуть к странным покупателям. Мокрая женщина просит горячей воды, курьер прячет под капюшоном слишком острые зубы, а пожилой посетитель забирает детскую варежку. Стоит случайно коснуться её — и Ася вспоминает чужую маму.Здесь через обычное окошко передают вещи, способные исполнить желание. Только условия нужно читать до того, как возьмёшь посылку в руки.Марк приходит глубокой ночью за самым горячим кофе. Помогает, когда Ася ошибается с выдачей, отвечает на неудобные вопросы и всё чаще задерживается у стойки. Его клыки пугают её меньше, чем собственное желание увидеть его снова.До Нового года осталось несколько смен. Ася почти расплатилась с долгами, когда обнаруживает в хозяйском шкафу карточку на своё имя.Состояние хорошее. Передача — тридцать первого декабря, в 23:50.

© Ливнева М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пятьдесят рублей без сдачи 5
Глава 2. Состояние хорошее 9
Глава 3. Один вызов 13
Глава 4. Кто звонит 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Марта Ливнева
Без десяти двадцать пять

Глава 1. Пятьдесят рублей без сдачи

Первую покупательницу Ася приняла за чью-то шутку.

Женщина в мокрой шубе стояла у окошка, прижимая к груди белый хлеб. От хлеба шёл пар. Восьмой трамвай, последний, двадцать минут назад выгрузил на остановке двух мужчин и женщину с санками. Теперь на конечной оставались только эта посетительница и курильщик, прятавшийся за щитом с картой района.

— Мне на пятьдесят рублей, — сказала женщина.

— Чего?

— Тепла. В ладони, пожалуйста. В прошлый раз налили в стакан, он с собой ушёл.

У неё были замечательные руки. Тонкие длинные пальцы, тёмный узкий маникюр. Обе ладони сложены лодочкой, и на каждой линии маленькие крупицы льда, словно женщина придерживала голыми руками снежок.

Ася посмотрела на аппарат с кофе. На нём светилось «Не хватает воды», хотя двадцать минут назад она заливала полную канистру.

— Чай пятьдесят девять. В свой стакан тоже.

Женщина опустила голову.

— Тогда мне сегодня не надо.

Осторожно положила монетку в ложбинку под стеклом, развернулась и пошла прочь. Подол шубы обрисовывал каждое колено. Снег под ногами у неё темнел, расползаясь неровными кругами, хотя мороз к вечеру обещали под двадцать.

Ася постучала.

— Подождите. Я могу просто горячей воды дать.

Женщина остановилась так быстро, будто изнутри её поймали за позвоночник. Вернулась.

Из канистры Ася подлила воду, поставила стакан под носик, выбрала кипяток. Сама не знала, возьмёт ли машина за него денег, но девять рублей была готова добавить.

— Крышку?

— Не закрывай.

Посетительница обхватила стакан двумя руками и глубоко вдохнула, поднимая плечи. На подбородке у неё засверкали капельки.

— Тебя как зовут?

— Ася.

— Я запомню.

От женщины над окошком ещё некоторое время пахло речным песком — так пахла старая пляжная сумка, когда её доставали с антресолей в июне.

Курильщик за остановкой поднял голову.

— Ей за это мыть кружки у вас нельзя. А то вода потом неделю цветёт.

Восемнадцать ему было, пожалуй, только издалека. Под тугим капюшоном обнаружилось лицо мужчины лет тридцати, у виска белел длинный шрам.

— Курить под окнами нельзя, — ответила Ася.

— Тут же магазин.

— А сверху люди живут.

Она указала на пятиэтажку через двор. На третьем этаже кто-то в домашних штанах набрасывал на ёлку золотую мишуру. Оставалось две недели до Нового года. В киоске гирлянду уже включили. В красном огоньке на стене муха то возникала, то исчезала.

— Будем знакомы. Лев. Ты бы ещё туда написала, что их сигареты тебе в окно тянет.

Он намотал на мизинец петельку белой ключ-карты.

— Забрать хочу. Жёлтый терминал. Он спросит, курьер или получатель. Курьер.

До этой минуты Ася ждала, что кто-нибудь войдёт из подсобки и проверит, справляется ли она. Хозяйка оставила её одну сорок минут назад, сказав, что ничего сложного. Табак после паспорта. Кофейный аппарат промывать утром. Красные свёртки не класть в морозильник. Курьеров с белыми карточками обслуживать через боковое окошко. Если стучат в заднюю дверь, читать табличку, перед тем как открывать.

С морозильником всё было разумно. Три месяца Ася выдавала заказы в пункте возле метро и помнила девушку, чей крем для лица превратился зимой в рассыпчатое розовое мороженое.

Жёлтый терминал занимал угол, где положено бы лежать списанным накладным. На экране всего три кнопки. Ася выбрала «Передать курьеру». Введённый Львом код открыл на дисплее ячейку Д-4.

Буква означала ярус. Четыре — номер дверцы. Всего их имелось тридцать пять, в пять рядов, и только левую нижнюю перечёркивала полоса белой краски.

Дверца открылась без ключа. Внутри картонная коробочка в форме сердца, перетянутая изолентой. «Книжная закладка. Не проверять вложение на пальцах».

— Она хоть в габарит десять сантиметров войдёт? — спросила Ася.

— Войдёт.

Лев убрал её за пазуху.

— Римма знает, что ты сегодня?

— Римма Сергеевна лично привела.

Улыбка у него получилась человеческая до середины лица. Дальше оставались губы, но зубов за ними как будто не было. Ася отвлеклась на кассу, глянула снова. Мужчина уже натягивал шарф.

— Ладно. Если что, я в контактах, «Курьер Лев». Не «Лёва», хозяйка бесится.

Его мопед стоял в тени. Ася почему-то решила, что он велосипедист. Носки коротких зимних ботинок утопали в снегу. Он оттолкнулся, съехал с тротуара и пропал за насосной.

Потом минут двадцать всё было обыкновенно. Молодой отец брал смесь, присылая жене фотографии банок. Под конец она потребовала другую сторону, где инструкция, и он так измучился, что Ася вышла с двумя банками, дала читать и отвела в тепло перед входом.

На рабочий телефон пришло: «На улицу с товаром не ходим».

На крыше мерцал красный свет камеры. Хозяйка проверяла с телефона. На прошлой работе таких камер было шесть, и за долгое пребывание в туалете начальник мог прислать смешной смайлик. Здесь хотя бы свой маленький санузел. За стеной гудел бойлер, раковина не капала. По сравнению с прошлым декабрём ей везло.

Отец выбрал смесь. Отдал ровно девятьсот шестнадцать, две купюры и шесть монет. Ему Ася пожелала спокойной ночи и заметила, с какой надеждой он посмотрел.

Через полчаса кончились маленькие стаканы. Полезла в нижний шкаф и нашла папку. «Ночная смена. Прежде чем звонить». На первой странице телефоны. Вторую закрывал файл с девичьим браслетом из оранжевых бусин. Под ним листок: «Моё не выдавать».

Браслет был глупый, детский, с прозрачной ромашкой и двумя кошачьими головами. Глядя на такие вещи, думаешь, ребёнок давно забыл, а потом спросит в неожиданный момент — и окажется, на этой голове держался целый мир.

В окошко постучали. Ася вернула браслет, поднялась.

Старик с матерчатыми сумками. Над шапкой край совсем молодой чёлки. Наверное, вывернул шапку, поверх подкладки с чьим-то мехом.

— Получение. Сто четырнадцать, шесть, тридцать.

В терминале нашлась строка. Б-2. «Детский варежек. Один предмет. Принимающая сторона предупреждена об износе».

Старик попросил обернуть пакет ещё чем-нибудь: понесёт под курткой, чтобы не отогревался раньше времени. Внутри сместилось, Ася поймала край, и шов разошёлся. В ладонь лёг красный варежек с одним пришитым глазом.

На крючке возле двери сушился второй. Человек с засученными рукавами вёл мокрой кистью по газете. Пахло крахмалом, керосином и маминым мылом, но мама была другая. Совершенно чужая женщина склонилась, прикусив нитку.

— Стой смирно. Пальчик покажи. Мы с тобой зайца сошьём, папе пока не говори.

Тот, чей голос слушал это, едва доставал макушкой до стола. Асю пробрало коленями: стала крошечной, сидевшая внутри взрослая женщина рвалась с места, а шевельнуть ногой до пола не получалось.

В окошко ударили.

Она уронила варежек. Под носом чёрная кромка стола, над ним стариковское лицо.

Шапку он снял. Чёлка действительно росла у него изо лба. За большими ушами порозовела кожа. Там, где раньше она напоминала пятнистую замшу, проступал маленький свежий шрам.

— Вы его не носите. Мне жалко. С каждым разом меньше остаётся.

Асю тошнило. О том, чего меньше, спросить было невозможно.

Старик двумя пальцами завернул вещь. С плеча свесилась непромокшая половина шарфа. Вещи по-прежнему мокрые, а кожа под ними сухая.

Терминал потребовал подтверждение выдачи. Ася нажала. На секунду появилась её фамилия, как на прежней работе при учёте ответственных, и исчезла.

Старик убрал пакет. Пересчитал сдачу, хотя ничего не платил, неловко поклонился.

Она заперла окошко.

Вода показалась тёплым крахмалом. Ася сплюнула, постояла у раковины. Когда слишком мало ешь, начинаются зрительные эффекты. За день она съела лаваш с сыром и полбанки йогурта, у дна кисловатого. Может, пищевое отравление. Только паники на первой смене ей и не хватало.

Два пропущенных от матери.

Ася написала: «Я на работе, всё хорошо». Удалила слово «всё». Потом отправила, как сначала.

В два четырнадцать пришёл человек, которого потом придётся вспоминать иначе.

Снял перчатку, постучал согнутым пальцем. Чёткий рот, нос с едва заметной старой неровностью. Серый воротник поднят высоко, волосы у виска намокли от снега.

— Кофе. Самый горячий. Сахара не надо.

Она налила двойной с водой. Поставила на картонный поясок.

— Без этого, пожалуйста.

Он отодвинул поясок, взял стакан ладонями. Держал голыми руками, хотя сама обожглась о край.

На секунду закрыл глаза от тепла.

— У вас получатель только что ушёл, — сказала Ася. — Старый такой.

Открыл глаза. Серые, неподвижные.

— Что вы выдали?

— Варежку.

— Руками брали?

Молчание.

— Пройдёт к утру. Если не было крови. На пальцах порезы есть?

Он не успел попросить показать, а Ася уже протянула ладонь. Поразившись собственному жесту, сунула её в карман, прежде чем он мог коснуться.

— У вас тут лекарственные вещества?

— Нет.

— Записано как закладки, варежки. Я вообще могу документы попросить?

— Обязательно попросите. У Риммы.

Сказал спокойно. Пока стоял, ей было трудно представить, что сейчас кто-то потребует мелочь и она справится с простым счётом.

— Чек?

Он посмотрел на табло с датой.

— Сегодня да.

Сложил, спрятал вместе со сдачей. Пальто застёгивалось справа налево. Или Ася замёрзла изнутри и путала стороны.

У окошка возник ещё один парень. Капюшон, красный нос, блестящая на губах слюна.

— Работает?

— Работает.

— Тогда шесть синих. И кинь сигарету, я зажигалку не взял.

Мужчина с кофе остановился.

— Пожалуйста.

— Что?

— Вы забыли слово.

Чуть наклонил голову, глядя на кадык. Пьяный напор исчез, парень отступил и впервые разглядел продавщицу.

— Пожалуйста. Дайте, пожалуйста. Я не хотел на вас.

Телефон дважды отскочил от терминала. Мужчина подождал и пошёл дальше.

Перед поворотом у насосной обернулся.

— Марк.

Назвал, будто отдал вещь. Хочет — сохранит.

Ася запомнила. У этого впечатления, в отличие от варежки, было понятное устройство.

Глава 2. Состояние хорошее

В семь двадцать Римма принесла булочки с маком. Две себе, одну Асе. В переноске они были отделены чёрной бумагой, чтобы жирное не расползлось на соседнюю.

— Ешь. Первое утро трудно.

Хозяйке можно дать и пятьдесят, и шестьдесят. Волосы аккуратные, ногти без лака, три больших кольца. Над шарфом золотая иголка, продетая в ухо. Вчера Ася считала её молодящейся. Сегодня она выглядела человеком, который ночь провёл в другом помещении, с другой температурой.

— Надо поговорить.

— Сначала сдачу. Рассказываешь, пока считаю.

В кассе оказалось на сто восемнадцать больше. Дважды пробила чай не по кнопке. Монетка мокрой женщины лежала отдельно.

— За тепло?

Ася отодвинула булочку.

— Вы знали?

— У неё хватает денег. Больше не доплачивай. Она потом расплачивается.

— Чем?

— Тебе захочется увидеть её второй раз. Потом третий. Начнёшь подливать, чтобы разогрелась. А после уйдёшь с ней, потому что возле неё больше не чувствуешь холода. Согласиться ты имеешь право. Только в двадцать три года принято сперва узнать условия. То же с закладками. Читай мелкий шрифт.

Ася ждала, что объяснение превратится в другое. Например, покупательнице нельзя наливать из-за расстройства психики, документы на особую торговлю лежат в отдельной папке.

— Личные вещи руками не берёшь, — продолжила Римма. — Перчатки в ящике. Повредила упаковку — снимай, записывай. Починить самой не пробуешь. Телефон на предмете звонит — не отвечаешь. Чужое имя на себя не примеряешь.

— Почему вчера не сказали?

— В правилах. Ты подписала.

Первые три листа Ася прочла. Договор, график, ответственность, касса, размер оплаты. Знала, где обычно прячут штраф, где бесплатное замещение. Дальше всё выглядело так же.

«Сотрудник подтверждает отсутствие притязаний на предметы, личности и свойства, вступившие с ним в непредусмотренный контакт».

Снизу синим: «Ознакомлена».

— Я идиотка.

— Ты ищешь работу. Двадцать человек до тебя поняли про ассортимент и перестали брать трубку. Двое устроились. Одна в другой точке до сих пор, вторая замужем за получателем. Со своими особенностями, но дело её.

— Я уйду.

— Можешь.

Римма открыла календарь. До тридцать первого синие точки.

— Ключи оставишь. Найду другого. За ночь на карту.

Телефон пискнул. Десять тысяч.

Следом списалось пять с половиной в счёт долга. Ася отключила уведомление, но хозяйка уже занималась кассой и не смотрела.

— Я не могу обслуживать… Я не понимаю.

— Людей тоже с первого взгляда не понимаешь. Давай пройдёмся.

Первый ряд ячеек — можно греть. Второй — не открывать при дневном свете. Третий — только личная передача. Четвёртый — возврат и хранение. Забрать с четвёртого можно лишь по коду, у хозяйки тоже так.

— Входящий сначала по наружной этикетке, потом приёмка. На выдачу — код получателя. Подтверждает он сам. Пока не подтвердил, предмет здесь. Поплохело — закрыла, написала мне или Льву. Без звука телефон не держать. Заднюю дверь покажу.

У раковины висело «Не кормить из личной посуды». Под табличкой крошечная картонная дверца с глазком и ручкой-каплей. Вчера за чайником Ася её не заметила.

— Кто там?

— Пока никто. Откроешь, попросишь присмотреть — заведётся помощник. Раз в неделю еда. Жить с помощником ещё не училась, поэтому сперва у меня спроси.

С такими объяснениями можно возненавидеть начальницу. Сложнее уйти от человека, который на каждую невозможность указывает точный раздел журнала.

Ася перестала спрашивать только в автобусе. Доехала до своей остановки и не вышла: внезапно вспомнила женщину с кистью.

Чужое лицо наклонилось — и она его полюбила.

При всей своей бессмысленности это было так же цело, как любовь к настоящей матери. Теперь тепло оставалось в груди.

— На конечной? — спросил кондуктор.

Ася встала.

Дом снимали три девушки. Женя работала в кофейне, Майя делала ногти. Её посетительницы ходили по коридору в носках, обычно с бокалом шампанского, которое принесли сами. До Нового года оставалось время заработать. У Аси тоже наконец была хорошая работа, о которой нельзя рассказать без последствий.

Женя на кухне обнимала кофеварку. Второй день жила на кофе и обещании начальника отдать премию. На столе список: сыр, креветки, лёд, ещё сыр.

— Ну?

Ася заплакала так резко, что сама испугалась. Женя подняла сахарницу, опустила. Не знала, куда девать руки.

— Тебя обидели?

Ася рассказала про варежку. Клиентка Майи, с красной палитрой в руках, постояла в дверях, повздыхала, не рискнула давать совет.

Женя спросила, не дала ли Ася старому человеку карту и код. Когда оказалось, нет, выдохнула.

— Ты ела? От недосыпа разное бывает.

Маленькая правда — она плохо ела — позволила всё остальное на время отодвинуть. Два яйца, хлеб, сгущёнка ложкой. Звонок в клинику узнать цену медосмотра. Решение пока поспать.

В пять разбудил телефон.

Римма прислала фотографию. Варежек лежал под стеклянной крышкой, сам собой сжавшись в кулачок.

«Если ещё чужое детство, позвони сюда. Без оплаты, у нас договор».

Ася позвонила.

Утомлённый женский голос попросил описать настоящую кухню в детстве. С какой стороны прихватка, где ведро, как звенит ложка о заварник. На фразе про обои с лимонами чужое лицо отступило. Словно на голову медленно пролили тёплую прозрачную воду.

— Это часто?

— В торговле? Постоянно. Только меньше замечают. Не держи. То, что чужую жизнь на секунду дали полюбить, не значит, что должна теперь додумывать. Она уже прошла у другого.

— Это настоящая память?

— Его. Остальное он никому не продавал. Придёт — спроси. Главное: не открывать руками то, что от тебя заперто.

Звали женщину Тамара. Аптека у железнодорожного моста, по ночам: клиентура такая.

Ася записала номер. Четыре с половиной тысячи чистыми за двенадцать часов. За четыре ночи закроет самое мерзкое из долгов. За шесть купит матери плиту, у которой не отваливается зажигалка.

В семь оделась. Взяла булки, щётку, носки. Если остаёшься, надо понимать, где у тела слабые места. В уставшем мозгу появилась постыдная мысль: может, сегодня опять придёт человек с кофе.

Он пришёл в два двадцать семь.

До того она выдала предмет без имени, только с рисунком свернувшегося зверя. Получатель показал тот же рисунок у себя на запястье, а на просьбу о документе ответил с нескрываемым удовольствием:

— Первый раз здесь?

Марк подождал, пока та уйдёт.

— Сегодня в перчатках.

— Зато сосиски теперь выдам. Не надо держать при лунном свете. Кофе?

— Если можно.

Шёл плотный снег, он был без шапки. Став между ладонями, стакан придавал ему выражение лица: сперва грелся, потом смотрел на Асю, снова на руки.

— Спасибо. Вчера с парнем.

— Он ушёл?

— Ушёл. Вы хозяйку знаете?

— Да.

— Вы тоже из этих?

— Из покупателей.

— Удобно. Если мне опять что-нибудь руками взять, в какую сторону побежите?

Марк на секунду улыбнулся.

— К вам. Если успею.

Сказал серьёзно, и у неё среагировал живот. Давно мужчина не смотрел на неё так, не ища тут же подтверждения улыбкой.

Ася положила у окна правила.

— По ним надо подтверждать имя. Я только его знаю.

— Кофе не требует. Наличными можно.

— Если вернётесь?

— Я и так вернулся.

Она посмотрела на термометр. Минус семнадцать.

— Возьмите перчатки. Ваши мокрые. Потом занесёте.

Он дотронулся до белого вязаного манжета. Чистый порошок, дешёвое цитрусовое средство.

— Я внутри. Мне не надо.

— У меня сегодня последняя возможность купить подарок матери.

— До праздника две недели.

— У неё завтра день рождения.

— Что любит?

— Ручки. Тонкое перо.

— У нас шариковые. Гелевые текут. Она… Ей можно просто ручку?

Он с таким удивлением посмотрел, что Ася почувствовала себя обыкновенно глупой.

— Можно. Я собирался именно это.

Надел перчатки. Длинные пальцы натянули пряжу в уголках.

— Имя всегда сверяйте. И предмет считайте. Даже если смешной товар. Даже если симпатичный посетитель. Ничего не исправляйте за владельца.

Ей хотелось, чтобы он постоял ещё. Отвернувшись к кассе, замедлила движение, но за стеклом уже шёл только снег.

Одна перчатка осталась. Внутри свёрнутые купюры и записка на чеке: «Это за тёплое. Не долг».

Ася сложила отдельно. Вернётся — отдаст. Хоть завтра, хоть послезавтра.

В три Лев поставил в окошко две серые коробочки. Сам внёс приёмку. На одной «Звонок дверной. Один вызов», на другой «Режим ожидания».

— На Б-3 и Б-4. Не наоборот.

Она сверила, получила две зелёные галки.

Ей нравились его руки в её перчатках. Этот факт за ночь ни разу не потребовалось исправить.

Глава 3. Один вызов

На третью смену пришла с блокнотом. Блестящая обложка с кошачьей лапой. За те же деньги предлагали другой, с фразой про мечту, и отказалась Ася так убеждённо, что продавщица отвела глаза.

Первые заметки обычные: кассу без Риммы не перезагружать; за воду мокрая женщина платит сама. Потом: если в посылке звонит телефон, он звонит не тебе.

Долг после двух ночей уменьшился. Впервые приложение открывала без желания немедленно закрыть. Еду теперь считала обязательной частью работы. На столе два яблока, в холодильнике собственный йогурт.

Возле задней двери подтянула шуруп. Перестало дуть.

В одиннадцать подошла женщина с тележкой. Сверху фонарик, примотанный скотчем, чтобы не менял направление на кочках.

— Новая. Прежняя где?

— Римма Сергеевна уехала.

— Не про неё. Девочка. Волосы на одну сторону красные.

Ася вспомнила браслет.

— Я третий день.

— Запиши мой телефон. Нина Степановна. Кто из наших подсядет — сюда. Зять за стенкой, он всю ночь с экраном бродит. Я слышу, как пальцем делает.

Протянула клочок обоев с номером и три конфеты. Ася насторожилась.

— Тульская фабрика. С вишней. Хочешь состав, я у тебя из холодильника очки достану.

— Простите?

— Вчера забыла. На лоб охладила и ушла. Кефир убираешь — оглядывай полки.

Очки нашлись за пробиотическим напитком. Женщина расправила дужки.

— Хорошая. Умывайся перед рассветом холодной. В зеркало смотреть бесполезно, переделают. Руки работают. Пока холодное жжёт ладони — своё тепло есть. Хлеб ещё остался?

Ася продала батон. Спросила:

— Вы человек?

— А что, по тележке не видно? Другое сословие на такую не соглашается.

С ней стало легко. Скребут у окошка, никого нет — невысокие, ниже подоконника. Обслуживать через заслонку. Кому нечем говорить, бумагу покажи. Замолчавший тоже покупатель; только проверь, он ли тебя ещё слушает.

— Откуда знаете?

— Шестьдесят один год живу. Киоск моложе, до него пост был. Муж сторожил. Я тридцать лет думала, что у него на работе такого, бабы прощупывают глазами. Потом вспомнила, какие здесь женщины.

Собираясь уходить, посмотрела на Асино плечо.

— На бумажке имя чьё?

Бейдж повернулся боком. «Ася», снизу от руки фамилия.

— Сними. Узнают без таблички.

Женщина дождалась, пока уберёт. Только потом пошла, рывками волоча тележку.

Следующий был безобидный. Зелёная куртка, коляска, сигареты, сок, две жвачки. Уложил пакет в ноги спящему ребёнку.

— Ещё посылка. Жена код прислала, дома со вторым.

Терминал открыл Б-3. «Режим ожидания».

Вчера там был «Один вызов». Могла перепутать? Конечно. Для того проверка.

Открыла Б-3. Коробочка тёплая, будто у батареи лежала. Внутри на рисунке кнопка, красный шнурок, шуруп.

— Не осматриваем вложение.

— Конечно. Можно быстро? Спина у него мокрая. По инструкции одеваешь, сами теплицы.

Мальчик заворочался, сердито крякнул, упёрся ручкой в кофточку на дне. Ася улыбнулась. Ребёнок хотел поменять положение, и у него хватало голоса потребовать.

Отец подтвердил выдачу.

Терминал издал новый короткий звук.

— Готово?

Строка зелёная. Ася кивнула.

Когда он ушёл, она достала вторую коробку.

На Б-4 значилось «Режим ожидания».

В терминале там был «Один вызов».

Лев держал правую коробку, пока она закрывала левую, наклейки наружу, две зелёные галки. Всё помнила.

Позвонила Римме.

— Выдала не ту коробку.

— Что внутри?

Назвала. Хозяйка не выругалась. Это оказалось хуже.

— На неверный код ячейка не откроется.

— Открылась.

— Надень перчатки. Покажи оставшееся камерой. Лицо не показывай.

На столе была деревянная подставка с тремя углублениями. Ася принимала за обрезок доски. Римма велела поставить пакет в среднее.

— Пустой круг возьми, скажи: «Для сверки содержимого по согласованному приёму».

Слова были нелепые, но она сказала. Под ладонью блеснула заклёпка. На том конце звякнуло стекло.

— Запись не исправляй. Адрес получателя есть?

— Код жены.

— Я сама свяжусь. Терминал держи. Вторую пока не выдавай.

Через минуту зазвонил настольный телефон.

— Не то дала, — сказал мужской голос.

В окошке стоял человек в узком пальто, с маленьким аппаратом у уха. Голос шёл из аппарата и с улицы.

— Код, пожалуйста.

Показал. Б-4.

— Хозяйка разбирается, сбой. Извините.

— Мне не надо. Всё подготовлено. Один. Вызов.

Под его ботинком шевельнулась решётка ливнёвки. Приподнялась, из щели вылезли мокрые светлые волосы. Маленькие пальцы, синяя пуговица на рукаве. Ася держала телефон обеими руками.

— Код подтверждён?

Она не ответила.

— Отмена, значит, согласна возместить.

— Нет. Согласна разобраться с ошибкой. Сейчас хозяйку дам.

Он наклонился. Лицо получило другой объём, как всплывающая тряпка. Нос к подбородку, кожа без пор, по ней белые рельефные строки. Вместо верхней губы тёмная щель.

— Адрес назови. Сам заберу.

Ручка задней двери вздрогнула. Под чайником застучали в картонную дверцу — так горничная стучит, если человек на третий заход всё ещё без простыни.

Между ними сунулся серый рукав. Марк положил ладонь на створку.

— Спорный груз до решения хранителя. Сошлись на хозяйку.

Посетитель отступил. Страшное лицо не исчезло, просто закрывалось нормальной кожей.

— Не лезь в чужую передачу.

— Спорный груз до решения хранителя, — повторила Ася. — Римма Сергеевна. Ей звоните.

Ручка перестала ходить. В картонную дверцу ещё стучали.

Человек убрал аппарат, посмотрел на Марка, словно поправил в окончательном числе одну неловкую единицу. Ушёл. Волосы исчезли под решёткой. На снегу остался круглый тёмный след.

Когда Ася села, поняла, как дрожат колени.

Марк не обнимал. Держал створку; закрыть изнутри могла она сама.

— Всё сверяла. Записано.

Он приподнял угол этикетки на оставшейся коробке. Под ней другая. На верхней «Режим ожидания», на нижней «Один вызов».

— Не могла увидеть.

— Могла, если снизу.

— Обязана была?

Посмотрел на папку. Насколько опасна работа, где никто не говорит, чего ещё не умеешь видеть, а узнаёшь по чужому горлу в снегу?

Терминал пискнул: «Получатель с правом контакта требует внести ответственного за задержку».

Рядом её полное имя. Фамилия, которой сама заполнила вчера бейдж.

— Документы убери, — сказал Марк. — Все, где от себя подписала.

В оставленной на столе трубке мужчина начал негромко выговаривать мамин домашний адрес.

Глава 4. Кто звонит

— Откуда у него адрес?

Марк дождался, пока она уберёт бумаги в шкафчик. Проверил каждый лист. Отодвинул даже поднос с булочками.

— С квитанции. После варежки тебе показывали твоё имя?

Она вспомнила. Нажала подтверждение, потом паспортные данные. Как на старой работе — ответственный за операцию.

— Ты не отвечаешь за подмену. Но можешь согласиться отвечать. Если добьётся ответа.

Трубка замолчала. Пошли гудки, потом мамин голос, усталый, через слабую связь.

— Ась, у нас тут в дверь звонят. Ты кому-то сказала, где живём?

Ключи выскользнули из рук.

Марк молча повернул свой телефон: набирал Римму.

— Сейчас перезвоню, мам.

Ася отключила настольный аппарат, набрала мать с личного. На третьем гудке взяли. Телевизор, тётка спорит о варёной свёкле, племянница у неё в гостях.

— Звонили?

— Ты же сейчас звонишь. Что случилось?

— Ничего. Спи. Завтра наберу нормально.

Марк отвернулся, пока она говорила. Почему-то было важно, что не слышит мать прямо из её рук.

Злость появилась неожиданно, тяжёлая и горячая. Хотелось догонять человека. Не потому, что опасности не веришь. Он не должен так спокойно идти по городу после этого.

Римма приехала через двенадцать минут. В глазке совпало всё, кроме шапки. Хозяйка сняла сама, приложила левое ухо, показывая золотую иголку, как на табличке.

— Правильно. Хорошо, что додумалась.

Все операции повторили. Круг на подставке, сканирование, две этикетки. Подняли верхнюю. «Свойство вложения не соответствует карточке. Согласование отправителем».

— Подмена до приёмки, — сказала хозяйка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.